

По имени и по отчеству

ПАМЯТЬ

В истории новейшей сцены
есть мартиролог
сорокалетних артистов.

³⁸Сорокалетним ушел Олег Даль, в сорок шесть – Андрей Миронов, в сорок два – Владимир Высоцкий, в сорок два – Юрий Богатырев. Эти ранние уходы, особенно в случае резко выраженного дарования, подвигают к философическим вздохам о судьбе русского гения, который не ищет себя, не умеет экономничать, а живет чаще всего вразнос и навывлет. В случае Андрея Миронова и особенно Олега Дали это очевидно, в случае Юрия Богатырева затемнено его не до конца развившимся даром, который больше обещал, чем исполнил.

Слышал не раз при жизни Юры Богатырева – он же «Актёр Актерыч»... Чаще всего этим указывают на человека, заикнувшегося на самом себе в искусстве. В случае Богатырева было совсем другое. Он был в чистом виде актером. И по имени, и по отчеству. Ничего другого у него не было. Он жил в соответствии с фамилией, которая ему досталась. Его невозможно было укротить. Он пренебрегал любым обывательским приличием, меры не знал: играть так играть, гулять так гулять. Так празднично гулял, так занимался живописью, так играл.

Звездой его сделало кино. В Художественный театр он пришел на роль Дмитрия Фурманова. Не случилось. Потом был папаша Владимира Ильича. Страшно подумать, как он пытался втиснуть себя в эту роль. Как театрального мастера его открыл Анатолий Эфрос, у которого он сыграл в «Тартюфе». Это было событие, к тому же неожиданное. Резонер Клеант, огромный монолог которого обычно просто вымарывали по причине скуки, стал едва ли не высшей точкой комедии. Обличитель Тартюфа пытался уложить свои обвинения в строгий времен-

Юрий Богатырев

ной регламент. Обвинений и резонов у него – гора, а времени две минуты. Он сокрушал и сбивал с ног, он бил, как из брандспойта. Это была могучая словесная лава, которая пенилась, шипела и ошпаривала. Он впадал в восторженное иступление; он с ума сходил от своего благородства; он всех доводил до изнеможения своей обличительной тупой правотой, упакованной в шестистопные ямбы. А зал отвечал громовым раскатом.

Он играл Тригорина (и хорошо играл) и еще что-то исполнял, но всегда было ощущение, что слишком много остается в избытке. Он мог снабжать светом целый город, а ему предлагали освещать небольшой чуланчик.

В нем было природное чувство формы, цвета, линии. В нем был, при всей его гульбе, какой-то чистейший актерский звук. Может быть, поэтому Ия Саввина называет своего друга не «Актёр Актерыч», а «Артист Артистович», чтобы как-то отделить его от безмерной всепроницающей актерской пошлости.

При жизни был «Актёр Актерычем». В посмертной легенде стал Артистом.

Сейчас ему было бы пятьдесят.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ